

ТИМУР ЗИАТДИНОВ

ПРОБУЖДЕНИЕ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Тимур Зиатдинов
Пробуждение.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615594
ISBN 9785447440671*

Аннотация

Фантастические и не очень рассказы о... О чём у всех – о мыслях, о человеке, об ощущении себя здесь и где-то ещё. Без жести и мата.

Содержание

Пробуждение

5

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Пробуждение
Сборник рассказов
Тимур Зиатдинов

© Тимур Зиатдинов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пробуждение

– Проснись!

Комната залита солнечным светом, золотая пыль лениво, сонно плывёт над постелью. Занавешенное тюлем окно, пронизанное лучами, светится так ярко, что я невольно прикрываю глаза рукой. Дышится легко, спокойно, как всегда после пробуждения, как всегда дышится с утра.

– Проснулся...

Рядом. Ты тихо рассмеялась, радуясь моей ещё сонной улыбке, едва коснулась губами плеча. Прижалась щекой.

– Я тебя бужу уже час. А ты всё спишь, спишь, спишь...

– Зато выспался, теперь до ночи буду с тобой.

Чувствую улыбку – щека вжалась крепче. Вздохнула, еле слышно произнесла:

– Сколько ещё так будет? Так хорошо?..

– Проснись!

Матовый блеск металлического потолка, сглаженным углом переходящего в стену с широким иллюминатором. Снаружи уже рассвело.

Я оторвал голову от промятой подушки, сел на кровати. В белом, словно искусственном свете, плоской картиной усеяли горизонт обрубки гор. Под ними томно, капризно, уползая от солнечных лучей, перекачивались свинцовые волны

метанового моря. Небо ещё белое, пока испарения не заволокли его.

День за днём. В иллюминаторе – голопроекция, обманка, издёвка... Столько раз этот вид сопровождал мои пробуждения, что уже не верю в его реальность. Как дома – картина над креслом.

Дома... не было у меня никогда ни кресла, ни картины над ним. Родился на орбитальной станции, жил в тесной каюте вместе с матерью, ходил на занятия по гулким тусклым коридорам, не замечая других картин – звёзд в узких смотровых щелях. Откуда же такое сравнение? Сон...

– Проснулся?

Нея загремела кружками на подносе, усаживаясь рядом на кровати; чуть не расплескала.

– Неуклюжая, – буркнула сама на себя и тоже посмотрела в окно. – Уже второй месяц этого моря метана. И гор. Если верить радарам, то осталось где-то неделю их созерцать, если не сбавлять темп.

Не сбавлять темп. Движемся уже полгода по прямой на слабый сигнал маяка, неизвестно кем оставленный на этой затерянной в глубине космоса планете. Горы, море, ледяные пустыни. Бесконечность пустоты...

– Уже поздно поворачивать обратно, всё равно топлива не хватит.

Она давно научилась читать мои мысли. Ещё на корабле, ещё до аварии, из-за которой мы и оказались здесь, на безы-

мянной планете. Сначала это раздражало, а теперь – безразлично. Даже удобнее – можно меньше говорить.

– Пей, – Нея протянула пластиковую кружку с чаем, успевшим остыть, вторую обхватила пальцами, замерла, поднеся к губам. Задумалась.

Мы часто сидели вот так: я ещё под одеялом, она – забравшись с ногами на кровать, в плотном нижнем белье. И молчали, всматриваясь в очертания гор и постепенно начинавший испаряться метан.

После аварийной посадки долго пытались связаться хоть с каким-нибудь судёнышком. Безуспешно, слишком далеко нас закинуло. В медленно затухавшей надежде проходили дни, недели. Подбиралось безразличие. Толчком, выведшим нас из безысходности послужил случайно обнаруженный странный сигнал. Расшифровке не поддавался, но он явно был искусственного происхождения – улавливался ритм. Меняли частоты, пускали универсальные ответы, чертыхались и чесали затылки. Зуд нетерпения и злости – кто нас мучает, зачем вновь дарит надежду? И на седьмой день решились. Подготовили планетарный поезд к выгрузке, заполнили баки – основные и запасные – топливом, перетащили все вещи и всю провизию, воду, синхронизировали с бортовым компьютером – скачали все данные по полёту, записи дежурств, данные сенсоров. И двинулись в путь на слабое мерцание маячка...

С недавних пор мне каждую ночь снится один и тот же

сон. Я сплю долго – почти двенадцать часов, а сон – на одну минуту. Во сне я просыпаюсь и вижу комнату. Просторную, свежую, заполненную настоящим солнечным светом, живым... Наверное, живым. Такой свет я видел лишь на голопроекциях, на картинах, которые показывали древние времена. И этот свет искрится, режет глаза, я закрываюсь от него. Но это приятно... Он осязаем, он плотный, дарящий ласковое тепло.

И ещё там есть девушка. Я не вижу её лица. Только чувствую прикосновение губ, её кожи – она прижимается щекой к моему плечу. Слышу её голос и смех. И свой голос, что-то произносящий в ответ. И я всё лежу, словно не могу подняться, сил не хватает. И голову не могу повернуть, посмотреть, рассмотреть лицо девушки. Просыпаюсь... Потолок, иллюминатор, свет... Чужой, больной, белый.

Нея осторожно трогает руку.

– Будем снимать показания датчиков? Всё же метановое море при таких атмосферных условиях...

Нужно себя заставить. Нужно заняться и сегодня каким-нибудь бесполезным делом, утопить своё безразличие. Даже тревоги уже не осталось, ни зла, ни страха. И умиротворения нет. Какое-то промежуточное состояние. До атрофии всего...

– Будем.

– Интересная планета...

Когда вошли в рубку управления, прозванную Неей рабочим кабинетом, дремавший тусклый дежурный свет уступил место свечению световых панелей, достаточных для создания спокойной рабочей обстановки.

Нея заняла «командирское» кресло – высокое, со встроенными сенсорами для управления различными устройствами. Я же опустил в кресло пилота, совершенно сейчас бесполезное – поезд ведёт автоматика.

– Здесь когда-то могла быть жизнь, – тихо протянула Нея, порхая пальцами над светящейся панелью управления. Сейчас уйдёт в спасительные размышления об интересном космическом объекте. – Или она может зародиться. Или она уже существует... Где-то там, за горами. – усмехнулась; наверное, сама фраза – «там, за горами» – навеяла что-то не совсем подходящее обстановке, но знакомое, родное. Нея родилась на Земле, одна из немногих людей, которые мне встретились за годы полётов, и знала, что значит «там, за горами» – Эта планета напоминает Титан. Метановые озёра, водород, углерод, тяжёлые металлы, наверное, какие-нибудь невообразимые соединения. Даже температура здесь почти такая же, чуть выше. Только небо прозрачно иногда. Утром. Правда, на Титане мы жизнь так и не обнаружили... Человечество всегда либо опаздывает, либо приходит слишком рано.

Подобные монологи случаются регулярно. Нея забывает, что мы уже буквально похоронены, что шансов на спасение

у нас нет. Тонет в уютном привычном мире размышлений о возможном, о прошлом, о структуре, об удивительных сочетаниях газов и жидкостей. Несколько лет назад, когда мы с ней познакомились, она уже была такой. Могла ночами, до изнеможения, сидеть над снимками поверхности, данными разведывательных зондов. Она охотно спорила с коллегами, громко, азартно. А уж когда предоставлялся шанс спуститься на планету, даже уже изученную вдоль и поперёк, она терпела с невыносимым усердием малыша, считающего дни до своего дня рождения, чтобы потом выплеснуть все эмоции разом, в одно мгновение...

На этой почве она разругалась с мужем и сыном-подростком, однако, это почти не изменило Нею, разве что стала она немного тише в своих размышлениях, и не каждый спор вызывал наслаждение. «В уголках глаз поселилась тяжёлая задумчивость» Так какой-то писатель в какой-то книжке писал... Очень похоже.

Я пялился на широкий вогнутый обзорный монитор, на котором навстречу неслась береговая линия, укрытая гладкими глыбами ледяных камней. Плоские, круглые, большие и маленькие, они приближались и тут же исчезали, оставались позади, сменялись новыми, похожими. Лезвие сизо-свинцового бездвижного моря катилось с краю картинки. Ощущение бесконечности вновь наваливалось...

– Уже затягивает, – произнесла Нея, имея ввиду поднимающийся туман испарения.

Скоро оптическая видимость упадёт почти до нуля, скроет скучный однообразный ландшафт. Не жалуясь.

Нея углубилась в показатели датчиков, нахмурилась, закусала ноготь на большом пальце; ушла от меня. Тоже – не жалуясь.

После того, как она рассталась с мужем, я подумывал о том, что не плохо бы... Мы ладили, очень даже ладили, часто проводили время вдвоём, но как-то не сложилось. То ли я не был смел, то ли она, чувствуя моё робкое желание, сознательно не сближалась... В общем, уже лет пять или шесть мы просто напарники, коллеги, братья по космосу, друзья. И даже здесь, в абсолютном одиночестве, в бесконечном наедине, я так и не решился. Нет, не так. У меня и мысли не было.

Смешно. Особенно, если вспомнить, как мы с ребятами из экипажа частенько бездумно шутили: «Если суждено найти свою смерть на какой-нибудь далёкой дикой планете, то лучше в компании с очаровательной практиканточкой, или на худой конец кандидаткой в планетологи. Тогда и чужие звёзды покажутся родными»

– Тебе ни капли не интересно?

Я вывалился обратно из воспоминаний в уютный мягкий свет рабочего кабинета. Нея смотрела на меня с едва заметной улыбкой и казалась отстранённой. Словно вопрос был задан не мне, а самой себе, или как будто я – автомат, записывающий её размышления в дневник.

– Лёд и серость, – отозвался я.

Нея грустно усмехнулась, закрыла глаза, откинулась на спинку кресла.

– Как ты думаешь, что мы там найдём? Или кого?

«Если там вообще что-нибудь есть» – пронеслось в голове, а вслух, тоже мрачно хмыкнув, сказал:

– Маленьких зелёных человечков...

– Или высоких статных человечиц.

– Муравейник с гигантскими муравьями.

– Которые питаются азотом, купаются в метане и бьют в ледяные барабаны.

– И которые воют с другими муравьями, которые питаются метаном, принимают азотные ванны и не любят музыку.

– Одни верят в Бога-Муравья, а другие пытаются создать науку.

– И одни устраивают религиозные сожжения иноверцев, а другие – с пеной на жвалах доказывают, что никакого Бога-Муравья не существует...

Тихий мерный писк аппаратуры, мерцание индикаторов, сенсоров, статистических экранчиков, сонное свечение световых панелей, расслабленная Нея в высоком кресле и я, до смерти уставший от металлической коробки и долгого метанового сна...

– Проснись!

И я открываю глаза. Тёплый свет, тихая золотая радость утра. Тюль словно дышит, переливается, приоткрывая залитое солнцем небо.

– Проснулся...

Нежное прикосновение. Ты рядом. Скользнула губами по плечу, добавила радости пробуждению.

– Я тебя бужу уже час. А ты всё спишь, спишь, спишь...

– Зато выспался и теперь до ночи буду с тобой.

И крепче жмётся, и в тишине – только шорохи одеяла и простыни...

– Сколько так ещё будет? Так хорошо?..

Сутки на этой планете почти вдвое дольше стандартных, земных. Приходится затемнять иллюминаторы, чтобы заснуть. Пусть по ту сторону обшивки толком ничего и не разглядеть в вязких испарениях, тусклый унылый свет не подпускает сон. Хотя, скоро я совсем перестану спать. Трудно видеть, закрывая глаза, одну и ту же странную, незнакомую картину. Невозможную.

Интересно, а что видит во сне Нея? За всё время пути я ни разу не спросил её об этом, и не поведал своё видение. Может, тоже что-то странное, тоскливое, щемящее?

Я мотнул головой – к чёрту.

Поезд катил вперёд, а метановое море постепенно клонилось к краю обзорного монитора. Скоро совсем скроется из виду, унесёт вместе с собой и цепочку гор, оставив лишь

промёрзшую равнину да гладкие льдинки.

– Прогресс, – с нарочитой важностью протянула Нея, сморщив презрительно нос. – Д-материя, расщепители, самое надёжное топливо. А вот стоял бы на нашей малютке допотопный метано-кислородный двигатель, мы бы всю планету обнюхали.

Плохое настроение. Ворчит с утра, строит гримасы своим мыслям. Как будто что-то чувствует, ждёт плохих новостей. И новости последовали.

Когда мы обедали – или ужинали, не важно, – из рабочего кабинета поступил короткий резкий сигнал, сопровождавший сообщение пеленговой системы: «Сигнал маяка потерян»

Ложки не выпали из наших рук, мы не бросились сломя головы в кабинет. Мы молча доели, кинули пластиковые тарелки в утробу переработчика и побрели к рубке.

Сигнал маяка потерян. Слабая ниточка, ведшая нас через безжизненное пространство, оборвалась.

О, жестокий мир, что ты с нами делаешь?! О, Судьба, зачем ты нас так мучаешь?! Это крики тех, кто ещё не потерял надежду и веру, пусть даже эти надежда и вера ничем не подкреплены. Сознание слепо, сознание хочет жить вечно, и оно будет биться и метаться до последнего... До последнего чего? Пока есть силы. Но эти силы нужно подпитывать, нужен объективный, реальный «маяк», без него силы медленно иссякают. Или быстро. Я оказался удивительно слаб – мой маяк потух задолго до потери сигнала... Месяцы,

проведённые в тесной скорлупке поезда, сдавили, сжали, перемололи, распылили... Я уже почти мёртв, так зачем мне кричать и биться головой в истерике?

Так думал я, о чём думала в тот момент Нея – не знаю. Она привычно опустилась в командирское кресло, пробежала пальцами по сенсорам, внимательно изучила какие-то данные. Тихо, спокойно:

– Какая разница – есть сигнал, нет сигнала? Мы установили координаты, мы с каждым днём всё ближе к нужной точке. Так что... Так что всё как всегда.

До сих пор жива надежда? Или что это? Нея, я тебя толком не знаю...

Через неделю нас настиг ураган. Датчики уже давно фиксировали перепад температур, и в один день вдруг спустилась тьма. За стёклами иллюминаторов растворилась пустыня, в тёмных волнах микроскопических частиц испарения метана – панический бег, который скорее угадывался, чем виделся глазу. Ветер со скоростью в несколько сотен метров в секунду штормовал нашу крошечную обитель, яростно ломился внутрь, скрёб невидимыми когтями по обшивке. Пришлось спрятать все антенны, опустить защитные жалюзи на иллюминаторах. И сидеть в полумраке рабочего кабинета, пустив всё энергию от переработки Д-материи на силовое поле вокруг поезда, чтоб крепче прижаться к ледяной равнине, прикинувшись камнем. Сидеть и слушать, как вреза-

ются в это поле сорванные с поверхности голыши, как удары ветра стараются приподнять поезд и завертеть им, закружить в сумасшествии стихии. Сидеть, вжавшись в кресла, вылавливая из памяти сгустки чего-то правильного, живого, существовавшего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.